

ВОЛШЕБНЫЙ КОТ

Анатолий Клепов

Анатолий Клепов

Волшебный кот

«Автор»

2026

Клепов А.

Волшебный кот / А. Клепов — «Автор», 2026

Мистика. Семья. Память. Почему тайны прошлого делают вашего ребёнка сильнее? Мир громкий, жестокий. Дети растут в потоке информации, но без корней. Без понимания: кто они, откуда, зачем. Эта книга говорит с ребёнком честно — через историю, эмоции и живые судьбы. Рыжий кот Симба почувствовал первым: в новой квартире кто-то есть. Ночью десятилетняя Алёна увидела девочку у стены — в белом платье, с голубым бантом. За этой тайной — замурованный ларец, орден, старинный дневник. И судьба семьи, которую пытались стереть из памяти навсегда. И вопрос, который меняет всё: что остаётся от человека после смерти? Только то, что помнят живые. Читая вместе, семья говорит о том, о чём обычно молчат. О памяти и что означает быть достойным своих предков. Но главное то, что происходит с ребёнком внутри. Он понимает, как важно беречь их любовь. Начните читать сегодня — пока есть время быть рядом. Философская книга для совместного чтения. Воспитывает душу ребенка. Учит ценить тех, кто рядом — пока они есть.

© Клепов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Волшебный кот.	5
ГЛАВА 1. Новый дом	10
ГЛАВА 2. Симба	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анатолий Клепов

Волшебный кот

ПРОЛОГ. Волшебный кот.

*Что помнят дома
«Уважение к минувшему —
вот черта, отличающая образованность
от дикости.»
— Александр Пушкин*

Есть в Москве улица Новая Басманная. Старая улица. Очень старая.

Она помнит всё. Каждый камень, каждый дом, каждое дерево на ней хранит память о прошлом — тихую, глубокую, как вода в старом колодце. Если прийти сюда ранним утром, когда город ещё не проснулся, когда туман стелется по асфальту и первые птицы только-только начинают петь — можно почувствовать это. Можно остановиться посреди тротуара и вдруг ощутить, что ты не один. Что рядом с тобой — невидимые, неслышимые — стоят все те, кто ходил здесь до тебя.

Она помнит цокот лошадиных копыт по булыжной мостовой. Как звучал этот цокот на рассвете — чётко, гулко, одиноко. Кучеров в тулупах, которые грели руки над маленькими жаровнями и пили чай из жестяных кружек. Дам в длинных платьях с кружевными зонтиками, которые шли по тротуару и не спешили — потому что жизнь тогда не требовала спешки. Запах свежего хлеба из булочных, который разносился по всей улице каждое утро. Помнит звон колоколов — сначала далёкий, потом ближе, потом совсем рядом — который плыл над крышами каждое воскресенье. Шум керосиновых ламп в окнах по вечерам и тихие голоса за закрытыми ставнями.

Она помнит, как менялось всё вокруг. Как булыжник заменили асфальтом. Как вместо лошадей появились автомобили — сначала редкие, громкие, удивительные, потом привычные и обычные. Как газовые фонари сменились электрическими. Как тихие дворы наполнились новыми голосами, новыми запахами, новой жизнью.

Но больше всего она помнит дома.

Дом номер двадцать пять построили в 1912 году. Строили на совесть — так, как умели строить в то время, когда не торопились и не экономили на главном. Стены толщиной в метр — зимой в квартирах было тепло, летом прохладно. Потолки высотой в три метра — воздух в комнатах был лёгким и свободным. Перила лестниц из кованого железа — тяжёлые, красивые, с узором в виде переплетённых ветвей. Лепнина на фасаде в виде листьев и цветов — каждый лист был разным, потому что мастер работал руками и вкладывал душу.

Строили для людей, которые любили красоту и думали, что живут навсегда.

Они ошибались.

Но об этом — позже.

В 1912 году дом был новым и гордым. Он стоял на улице и смотрел на мир своими большими окнами с белыми наличниками. В нём было двенадцать квартир. В каждой квартире жила семья. В каждой семье были дети, были старики, были истории, были тайны.

Дом слушал их всех.

Дом запоминал.

Шли годы. Менялись жильцы, менялись времена, менялась страна. В дом приходили новые люди — со своими чемоданами, своими привычками, своими голосами. Уходили старые — тихо или шумно, с радостью или с болью. Стены впитывали всё. Запахи кухонь, звуки музыки, детский смех, взрослые разговоры, ночной плач, утреннее пение птиц за окном.

За сто лет дом стал другим. Немного осела штукатурка. Потемнели перила. Кое-где поскрипывали ступени. Но он стоял. Твёрдо, спокойно, уверенно — как стоят только те, кто знает свою ценность и помнит своё прошлое.

В его стенах был секрет.

Старый секрет. Тихий. Терпеливый.

Он ждал.

Коты знают то, чего не знаем мы.

Это не сказка и не выдумка. Это правда, которую чувствует каждый, кто жил с котом достаточно долго. Коты живут одновременно в двух мирах — в нашем, видимом, шумном, понятном, и в другом, который существует рядом с нашим, но который мы не замечаем. Может быть, потому что не умеем смотреть. Может быть, потому что не хотим. Может быть, потому что разучились.

Коты не разучились.

Поэтому кот останавливается посреди комнаты — вдруг, без причины — и смотрит в пустой угол. Долго смотрит. Внимательно. Он видит там что-то. Что-то, чего не видим мы. Поэтому кот прислушивается к тишине — поворачивает голову, прижимает уши, замирает — он слышит в этой тишине звуки, которых мы не слышим. Поэтому кот иногда подходит к старой стене и кладёт на неё лапу — осторожно, нежно — будто здоровается с кем-то, кто живёт за ней.

Будто говорит: я знаю, что ты здесь. Я помню тебя. Я не забыл.

Симба был именно таким котом.

Огромный, рыжий, пушистый — с белыми лапками, похожими на маленькие носочки, и белым воротничком, который делал его похожим на джентльмена. Когда он сидел прямо и смотрел вперёд — серьёзно, спокойно, с достоинством — он был очень похож на маленького льва. Отсюда и имя — Симба. Из любимого мультфильма Алёны, который она смотрела столько раз, что знала наизусть каждое слово.

Симба появился в семье три года назад — маленьким рыжим комочком, который умещался на ладони и пищал тонким голосом. За три года он вырос в настоящего красавца — тяжёлого, мягкого, тёплого. Он любил спать на подоконнике, наблюдать за птицами с видом задумчивого философа и приходил к Алёне ночью — укладываться рядом, мурчать и согревать её своим теплом.

Он был умным. Необычно умным для кота. Иногда Алёне казалось, что он понимает каждое слово. Что он слушает не просто звуки, а смысл. Что он думает. По-настоящему думает — не так, как думают обычные коты о еде и сне, а о чём-то большем.

А тайны у него были. В этом Алёна была уверена.

Она видела это в его глазах — янтарных, глубоких, спокойных. В том, как он иногда замирал у определённой стены в коридоре. В том, как по ночам, когда все спали, он сидел в тёмной комнате и смотрел в одну точку — неподвижно, терпеливо, как будто ждал чего-то.

Или кого-то.

Алёне было десять лет, когда всё началось.

Светловолосая, с зелёными глазами цвета молодой листвы — она была из тех девочек, на которых оборачиваются. Не потому, что она была громкой или яркой. А потому что в ней было

что-то особенное — тихое, внутреннее, как свет за матовым стеклом. Что-то, что чувствовалось сразу, но объяснить было сложно.

Стройная, аккуратная, всегда причёсанная. Каждое утро начиналось одинаково — мама садилась на край кровати, брала расчёску и начинала расчёсывать её длинные светлые волосы. Это было их утреннее таинство — тихое, спокойное, тёплое. Мама расчёсывала и что-то рассказывала — о погоде, о планах на день, о том, что видела во сне. Алёна слушала и смотрела в окно.

Потом мама заплетала косу — длинную, аккуратную, с бантом. Или делала высокий хвост и закрепляла его красивой заколкой. Каждый день — разная заколка. Это было важно.

Алёна обожала заколки. Это была её главная страсть, её гордость, её коллекция. На специальной подставке у зеркала их было больше сорока штук. С бабочками — голубыми, розовыми, белыми. С цветами — ромашками, розами, незабудками. С блёстками, которые сверкали на свету. С маленькими звёздочками, которые светились в темноте. С жемчужными бусинами. С лентами. С бантиками. Каждая заколка была особенной. Каждую она помнила — где купили, когда, по какому поводу.

Одевалась она тоже со вкусом — это отмечали все. И мамы подружки, и учительница, и соседка с третьего этажа, которая всегда говорила: «Какая воспитанная девочка, как красиво одета.» Алёна любила юбки — с рисунком в мелкий цветочек, в клетку, в горошек. Любила кардиганы нежных цветов — пудровый розовый, мятный зелёный, персиковый. Носила белые колготки и туфли с маленькой пряжкой сбоку — она считала, что пряжка делает туфли особенными.

В школу ходила с портфелем цвета лаванды. Выбирала его полчаса в магазине. Мама уже устала ждать и тихонько вздыхала, а папа смотрел на часы. Но Алёна не торопилась. Цвет должен был быть именно правильным. Не просто фиолетовым. Не просто сиреневым. Именно лавандовым — нежным, спокойным, немного туманным. Когда она наконец нашла его — почувствовала сразу. Вот он. Этот.

Весёлая, чуть застенчивая — она смеялась тихо, но от души. Краснела, когда её хвалили при всех. Терялась, когда нужно было говорить перед большой аудиторией. Но с близкими людьми — с мамой, с папой, с лучшей подругой Машей — была совершенно другой. Болтливой, смешной, придумывала истории и розыгрыши, могла смеяться над глупостями до слёз.

Она учила французский и английский. Французский любила больше — за то, что он звучит как музыка, за то, что в нём есть слова, которые красивы сами по себе, даже если не знаешь их значения.

А музыку она любила по-настоящему.

С шести лет Алёна занималась в музыкальной школе. Играла на фортепиано. Сначала это были простые упражнения — гаммы, этюды, короткие мелодии. Пальцы не слушались, ноты путались, педагог Людмила Николаевна терпеливо повторяла одно и то же по несколько раз, никогда не повышая голос, никогда не раздражаясь. Но потом что-то щёлкнуло — и музыка открылась. Не как урок, не как обязанность — а как целый мир. Огромный, глубокий, живой.

Теперь Алёна занималась каждый день. Не потому, что заставляли — а потому что хотела сама. Садилась за пианино, которое стояло у окна в гостиной, клала руки на клавиши — и уходила. Куда-то далеко. Туда, где не было ни школы, ни домашних заданий, ни забот. Только музыка, только она, только этот негромкий разговор пальцев с клавишами.

Она особенно любила Шопена. Людмила Николаевна говорила, что для десяти лет это серьёзно — Шопен требует не только техники, но и души. «У тебя есть душа, Алёна,» — говорила она негромко, и Алёна краснела и смотрела в ноты, но внутри у неё всё пело от этих слов. Потому что это было самое важное, что ей когда-либо говорили.

Симба всегда приходил, когда она играла. Мягко запрыгивал на диван рядом с пианино, складывал лапки под грудь, устраивался поудобнее и слушал. Закрывал глаза. Мурчал

тихонько — негромко, ровно, почти в такт музыке. Будто подпевал. Будто музыка касалась чего-то внутри него — чего-то глубокого и настоящего.

Алёна замечала это и улыбалась. Она была уверена — Симба понимает музыку. По-настоящему понимает. Не так, как понимают просто звуки. А так, как понимают что-то важное. Что-то, для чего нет слов.

Зимой вся семья ездила кататься на горных лыжах — это была их традиция, которую Алёна очень любила. Любила скорость, любила холодный воздух в лицо, любила как хрустит снег под лыжами. Возвращаясь домой, она первым делом шла к пианино — замёрзшими пальцами касалась клавиш и играла что-нибудь тёплое, медленное. Симба устраивался рядом и мурчал. И холод уходил быстрее.

Но больше всего она любила сидеть у окна.

Особенно когда шёл дождь.

Она садилась на широкий подоконник — подтягивала колени к груди, обнимала их руками — и слушала. Как дождь стучит по стеклу. Сначала редко, потом чаще, потом совсем часто — сплошной тихий шум, за которым весь мир становился мягким и далёким. В такие минуты она думала о разных вещах. О книгах, которые читала. О снах, которые видела. О том, что будет, когда она вырастет.

Иногда она слышала в этом дожде мелодию. Неясную, далёкую — как будто кто-то играл где-то очень далеко, и звуки долетали сюда едва слышно, почти растворяясь в шуме дождя. Тогда она шла к пианино и пыталась подобрать эту мелодию. Иногда получалось — и она замирала от удивления, от того какой красивой оказывалась эта случайная музыка дождя. Иногда мелодия ускользала — как сон, который помнишь только первые секунды после пробуждения. Пытаешься удержать — и она тает, тает, пока не исчезает совсем.

Симба приходил и садился рядом — тоже смотрел в окно, тоже слушал дождь. Они сидели вместе и молчали. И это молчание было лучше многих разговоров.

Жизнь была понятной и хорошей.

До того дня, когда Симба впервые зашипел у старого комода.

До того дня, когда за стеной кто-то постучал в ответ.

Старые дома хранят секреты. Это знают все, кто жил в них достаточно долго. Не просто знают — чувствуют. Особенно по ночам, когда дом затихает и остаётся наедине с собой. Когда скрипит половица — и никто по ней не ходил. Когда сквозняк проходит по комнате — и все окна закрыты. Когда из стены доносится тихий звук — не то стук, не то шёпот — и непонятно, что это было.

Секреты прячутся в стенах, впитавших сто лет жизни. В скрипучих половицах, которые помнят тысячи шагов. В запахах, которые появляются ниоткуда — запах старых книг, запах чужих духов, запах чего-то давнего и невозможного. В звуках, которые слышны только ночью — тихих, неясных, как будто дом разговаривает сам с собой.

Но иногда секреты прячутся в музыке.

В старых мелодиях, которые кто-то играл здесь давным-давно — и которые остались. Растворились в стенах, в воздухе, в тишине. Ждут, когда кто-то снова откроет крышку пианино и коснётся клавиш. Ждут, когда кто-то услышит их в шуме дождя за окном.

В доме номер двадцать пять на улице Новая Басманная был один такой секрет.

Большой секрет. Старый секрет. Настоящий.

Он жил в стенах этого дома сто лет. Он терпеливо ждал — год за годом, десятилетие за десятилетием. Он не торопился. Он знал, что его время придёт. Что однажды появится тот, кто сможет его услышать. Кто сможет его понять. Кто захочет узнать правду.

Тот, кто умеет слушать не только ушами.

Тот, у кого есть Душа.

Он ждал, пока в квартиру на пятом этаже не въедет семья с рыжим котом.
Он ждал Симбу.
Он ждал Алёну.
И вот — они пришли.

*Москва. Улица Новая Басманная, дом 25.
Пятый этаж.
Осень. Октябрь. Дождь за окном.
И где-то в стенах — старая мелодия.
Здесь начинается эта история.*

ГЛАВА 1. Новый дом

Алёна проснулась рано — ещё до будильника, ещё до того, как мама загремела на кухне чашками, и папа включил в коридоре свет. Она лежала в темноте и смотрела в потолок. Светлые волосы рассыпались по подушке, любимая заколка с бабочкой — синей, в блёстках — лежала на тумбочке рядом. Алёна всегда клала её именно туда, чтобы утром не искать.

Она смотрела в потолок своей старой комнаты и думала, что сегодня последний раз видит эти обои с жёлтыми цветочками которые она так ненавидела все три года пока они здесь жили. Странно — теперь, когда надо было с ними попрощаться они казались не такими уж противными.

Потом в комнату вошёл Симба.

Он вспрыгнул на кровать, прошёлся по одеялу, потоптался немного и улёгся прямо на Алёнкиных ногах. Это была его любимая привычка — устраиваться именно на ногах, именно тогда, когда вставать было совершенно необходимо.

— Симба, — сказала Алёна, — сегодня переезд.

Кот приоткрыл один глаз. Зелёный, круглый, совершенно невозмутимый.

— Ты понимаешь, что это значит? Новый дом. Новая комната. Всё новое.

Симба закрыл глаз.

— Тебе всё равно, да?

Кот громко и с удовольствием зевнул, показав розовый язык и все свои зубы, потом свернулся клубком потуже и засопел с таким видом будто никакого переезда нет и не предвидится.

Алёна засмеялась и стала выбираться из-под одеяла стараясь не потревожить рыжего нахала.

Грузовик приехал в девять утра.

Алёна сидела на подоконнике и смотрела как два дяди в одинаковых синих куртках деловито заносят в него мебель. Сначала вынесли диван из гостиной — большой, тяжёлый, тот самый на котором папа смотрел футбол и с которого его никакой силой нельзя было согнать в интересный момент. Потом кресла, потом стол, потом коробки — много коробок которые мама паковала всю последнюю неделю.

Серёжа крутился рядом с грузчиками и давал им советы, которые те вежливо игнорировали.

Серёже было тринадцать лет, и он считал себя почти взрослым мужчиной. Особенно, когда рядом была Алёна, которой можно было командовать.

— Алёна! — крикнул он снизу. — Иди помогай!

— Я помогаю, — ответила Алёна. — Я слежу за Симбой.

Симба в это время невозмутимо сидел в пустом книжном шкафу и наблюдал за погрузкой с видом человека который видел в жизни и не такое.

— Это не помощь! — возмутился Серёжа.

— Это очень важная помощь, — серьёзно сказала Алёна. — Если Симба выбежит на улицу пока открыта дверь — сам будешь его ловить.

Серёжа посмотрел на кота. Кот посмотрел на Серёжу. Серёжа подумал и пошёл помогать грузчикам.

Алёна улыбнулась. Победа была полной.

Ехали через весь город.

Алёна сидела на заднем сиденье рядом с переноской в которой сидел Симба. Кот не любил машину и выражал своё отношение к происходящему тихим, но настойчивым мяуканьем на одной ноте.

— Тихо, — говорила Алёна и просовывала пальцы сквозь решётку переноски. Симба тыкался в них носом и на несколько минут замолкал. Потом начинал снова.

— Долго ещё? — спросил Серёжа.

— Минут двадцать, — сказал папа.

— Симба, двадцать минут, — сообщила Алёна коту.

Кот сказал что-то явно недовольное.

— Алён, — сказал Серёжа, — ты разговариваешь с котом.

— И что?

— Он не понимает.

— Ты уверен?

Серёжа хотел ответить но в этот момент Симба издал звук который очень походил на возражение и Серёжа почему-то промолчал.

Мама засмеялась.

Папа покосился на переноску в зеркало заднего вида и сказал:

— Я бы на твоём месте Серёжа не был так уверен.

Новая Басманная открылась неожиданно.

Они свернули с широкой шумной улицы — и город как будто сделал шаг назад. Шум остался там, за поворотом. Здесь было тише. Деревья по обеим сторонам смыкались над дорогой — старые липы с толстыми стволами, их корни давно взломали асфальт, и никто не торопился это исправлять. Дома стояли старые, с высокими окнами, с тёмными от времени фасадами, на которых ещё угадывалась лепнина — листья, цветы, чьи-то лица, стёртые временем до неузнаваемости.

Алёна прижалась лбом к стеклу.

Что-то в этой улице было особенное. Не плохое и не хорошее — просто другое. Как будто она существовала немного отдельно от остального города. Как будто здесь время шло чуть медленнее. Как будто за каждым из этих тёмных окон была своя история — длинная, сложная, совсем не похожая на те истории, которые Алёна знала.

— Вот он, — сказал папа.

Алёна увидела дом.

Пять этажей. Широкий фасад. Тёмно-серый камень, видевший всякое. На фасаде над окнами — лепные фигуры, и одна из них, Алёна успела заметить прежде, чем папа свернул во двор, была похожа на девочку. Маленькую девочку с бантом в волосах.

Алёна оглянулась — но ворота уже закрылись за машиной и фасад скрылся из виду.

Наверное показалось.

Двор оказался неожиданно уютным. Старые тополя с толстыми стволами, деревянные скамейки, детская площадка в углу. На скамейке сидела старушка в тёплом несмотря на тёплую погоду пальто и смотрела на них с тем спокойным вниманием, с которым смотрят люди, давно привыкшие к чужим переездам.

— Новенькие, — сказала старушка. Не вопрос — утверждение.

— Новенькие, — подтвердила мама, улыбнувшись.

— В пятую квартиру? — спросила старушка.

— В пятую.

Старушка помолчала. Руки её в тёплых несмотря на погоду перчатках лежали на коленях совершенно неподвижно.

— Долго пустовала, — сказала она наконец. — Хорошо, что люди будут.

Что-то в том, как она это сказала заставило Алёну насторожиться. Не слова — интонация. Как будто за словами «хорошо, что люди будут» пряталось что-то ещё. Что-то чего старушка говорить не стала.

— А вы давно здесь живёте? — спросила Алёна.

Старушка посмотрела на неё — внимательно, изучающе, совсем не так как обычно смотрят на детей.

— Давно, — сказала она. — Очень давно.

И больше ничего не добавила.

Мама уже звала Алёну в подъезд, и та побежала, но у самой двери обернулась. Старушка смотрела ей вслед. И выражение её лица было такое — Алёна не могла бы объяснить почему — как будто она знала что-то. Что-то важное. Что-то о пятой квартире.

Что-то чего Алёна пока не знала.

Лестница была широкая.

Алёна шла и не могла оторвать взгляд от перил.

Чугунные, тёмные, с узором — листья и стебли переплетались между собой так затейливо что в них можно было подолгу искать спрятанные фигуры. Местами ржавчина проступала сквозь краску рыжими пятнами. Алёна провела пальцем по завитку — металл был холодный и немного шершавый.

Сколько рук касалось этих перил до неё?

Ступени были каменные, в середине каждой — плавное углубление. Миллион шагов за сто лет. Может быть больше. Алёна вдруг остановилась на площадке между вторым и третьим этажом и посмотрела вниз.

Отсюда лестница была похожа на спираль, уходящую куда-то в темноту.

Сколько людей поднималось по этим ступеням? Радостных — в первый день как они сегодня. Усталых — после долгого дня. Торопливых. Осторожных. И тех — Алёна не знала

почему эта мысль пришла и почему она её не испугала, а просто задержалась как задерживается иногда чужая мелодия — кто поднимался сюда в последний раз не зная, что в последний.

— Алёна! — позвала мама сверху.

— Иду, — откликнулась Алёна.

Но ещё секунду постояла. Прислушалась.

Лестница молчала.

Старая каменная лестница, помнившая всё.

Квартира пахла ремонтом и свежим деревом.

Они делали его целый год — папа нанял каких-то особенных мастеров, мама ездила выбирать обои и паркет, и шторы бесчисленное количество раз. Алёне показывали образцы и спрашивали её мнение с таким серьёзным видом как будто оно действительно что-то решало.

Иногда оно действительно что-то решало.

Например, банты на ручках её комода — это была идея Алёны. Мама сначала удивилась, а потом сказала, что это очень мило.

Алёна вошла в прихожую и остановилась.

Семь комнат. Она никогда не жила в квартире с семью комнатами. В старой квартире их было три, и они с Серёжей делили одну на двоих что являлось источником постоянных конфликтов, переговоров и иногда самой настоящей войны с применением подушек.

— Ну? — папа стоял рядом и смотрел на неё с улыбкой. — Как тебе?

— Большая, — сказала Алёна.

Она пошла по коридору — длинному, с высоким потолком, где шаги звучали звонче и торжественнее чем в обычном коридоре — и вдруг остановилась у дверей гостиной.

Дверь была приоткрыта.

В гостиной было очень много света — три больших окна смотрели прямо на юг и октябрьское солнце лежало в комнате широкими золотыми полосами от подоконника до противоположной стены. И в этом свете — в самом центре этого золотого потока — два грузчика в синих куртках осторожно, бочком, вносили пианино.

Алёна замерла.

Пианино плыло в солнечном свете — тёмное, лаковое, с латунными педалями, вспыхивающие, когда попадали в луч света. Грузчики двигались медленно, осторожно, почти торжественно — как будто несли что-то очень важное. Что-то что нельзя уронить.

Что-то что нельзя сломать.

Алёна смотрела на него — и внутри у неё что-то потеплело. Тихо, ровно, как теплеет, когда слышишь знакомую мелодию в незнакомом месте. Пианино было здесь. Значит всё остальное тоже будет хорошо.

— Иди посмотри свою комнату, — сказала мама за её спиной.

— Где она?

— Третья дверь налево.

Алёна оторвала взгляд от пианино и пошла дальше по коридору.

Третья дверь налево.

Она взялась за ручку и открыла.

Она застыла на пороге.

Комната была большая — намного больше, чем она представляла. Светло-голубые обои, и на одной стене прямо напротив того места, где должна была стоять кровать — замок. Нарисованный прямо на обоях, в зелёной долине, с башнями и флагами и маленькими окошками в которых если присмотреться можно было увидеть свет.

Точно такой замок она видела в Диснейленде прошлым летом.

Кровать была белая, не двухъярусная — своя, только её, с горой разноцветных подушек на покрывале. Большой белый шкаф с зеркалами занимал целую стену. Письменный стол у окна, полки с книгами, два маленьких кресла с розовой в цветочек обивкой.

И посередине комнаты — дом Барби.

Настоящий дом, большой, розовый с блёстками, с большими распахивающимися комнатами внутри с настоящей маленькой мебелью. Алёна хотела такую комнату целый год. Целый год рисовала его, описывала маме, намекала папе, вздыхала в магазинах.

Она стояла на пороге и не могла войти.

Потому что, если войти — это станет настоящим. А пока она стоит здесь это можно ещё считать очень хорошим сном.

Мама появилась в дверях за её спиной.

Алёна услышала её дыхание — мама явно волновалась. Целый год она ездила на эту стройку, спорила с дизайнером, перебирала образцы обоев, возвращала не то и снова искала то. Папа смеялся и говорил, что проще было построить новый дом. Мама не смеялась — она знала чего хочет.

Она хотела, чтобы у её дочери была комната мечты.

— Ну как? — спросила мама. Голос у неё был такой — нарочито спокойный, как бывает, когда человек очень старается не выдать что ему не всё равно.

Алёна обернулась.

Мама стояла в дверях — высокая, в любимом сером свитере, волосы убраны наспех, на щеке след от пыли — целый день таскала коробки. И смотрела на дочь с таким выражением, которое Алёна умела читать хорошо: ну пожалуйста, ну скажи, что нравится, я так старалась.

— Мама, — сказала Алёна, — это моя комната?

— Твоя.

— Совсем моя? Серёжа не будет сюда заходить?

— Без стука — нет.

Алёна медленно обернулась. Посмотрела на замок на стене. На кровать с подушками. На шкаф с зеркалами. На кресла.

Потом набрала воздух и завопила так что в коридоре испуганно загремело что-то в переноске с Симбой.

Мама засмеялась — облегчённо, радостно, как смеются, когда всё получилось.

Кот появился в комнате через полчаса.

Алёна как раз разбирала дом Барби — изучала каждую комнату по очереди, трогала крошечную мебель, переставляла Барби с места на место. В гостиной у Барби был диванчик не больше ладони Алены, крошечный телевизор и ваза с цветами размером с напёрсток. На кухне — плита с конфорками, которые не горели, но выглядели совсем настоящими. В спальне — кровать с покрывалом в горошек и тумбочка с лампой, которую можно было открыть.

Алёна уже достала свою розовую рулетку с портретом Барби на корпусе — ту самую которую нашла год назад в магазине канцтоваров и немедленно влюбилась, совершенно бесполезную и совершенно необходимую — и положила её на крошечный столик в гостиной Барби. Встала как родная.

Именно тогда она услышала за спиной знакомый звук — мягкие шаги, потом тишина, потом снова шаги.

Она обернулась.

Симба стоял в дверях и осматривал комнату с тем деловым видом, с которым осматривают помещение перед тем как принять решение — подходит оно или нет. Он повёл носом влево, потом вправо. Прошёл вдоль стены. Обнюхал кресло — потёрся о его ножку щекой, оставляя невидимую метку. Это означало: моё. Это теперь моё кресло.

— Симба, — сказала Алёна, — это моё кресло.

Кот посмотрел на неё. В его зелёных глазах было написано спокойное и абсолютное несогласие.

Потом он подошёл к ковру — розовому, мягкому, такому что хотелось ходить по нему только босиком — потоптался, примеряясь, и вдруг совершенно неожиданно повалился на спину и стал кататься с блаженным видом, раскинув все четыре лапы.

— Одобряешь? — спросила Алёна.

Симба перевернулся на живот и посмотрел на неё зелёными глазами.

— Я тоже, — сказала Алёна.

Она снова повернулась к дому Барби. Достала из сумки плюшевого медведя — большого, бежевого, с чёрными пуговичными глазами и красным шерстяным шарфом. Его звали Тедди. Он жил у Алёны с трёх лет, потёртый немного на левом ухе — в три года Алёна любила жевать мягкие игрушки — но по-прежнему очень важный. Очень настоящий.

Рядом с Тедди она посадила зебру.

Зебру подарили на день рождения — в сентябре, месяц назад. Новенькая, яркая, в чёрно-белую полоску, с пышной чёрной гривой и смешными длинными ресницами. Имени у неё пока не было — Алёна думала. Имя должно быть правильным.

Она поставила их рядом на кровати — медведя и зебру, плечом к плечу, лицами к окну.

— Тедди, — сказала Алёна серьёзно, — это зебра. Зебра, это Тедди. Вы будете жить вместе. В одной комнате. Так что вам придётся подружиться.

Она посмотрела на них. Тедди смотрел пуговичными глазами — спокойно, тепло, чуть серьёзно. Зебра смотрела с любопытством — или так казалось.

— Они обязательно подружатся, — сказала Алёна уверенно.

Кот встал с ковра, отряхнулся с достоинством и направился в угол комнаты.

Там у стены стоял старый комод.

Тёмный, почти чёрный, с медными ручками в виде колец. Он достался маме от бабушки, и мама не хотела с ним расставаться несмотря на то, что он немного не вписывался в новый интерьер. «Пусть стоит», — сказала мама. «Это память.»

Симба подошёл к комоду.

Остановился.

Что-то изменилось в том, как он держал голову — она чуть наклонилась, уши развернулись вперёд. Он медленно, очень медленно потянулся носом к стене за комодом.

Алёна смотрела на него не понимая.

Симба нюхал стену.

Долго. Очень долго — дольше чем нюхают просто интересный запах. Алёна видела, как двигаются его бока — дыхание стало частым, коротким. Хвост, который обычно держался трубой медленно опустился вниз.

Он попытался пробраться между комодом и стеной — щель была слишком узкой, он не пролез, но продолжал тянуться туда, к стене, с каким-то странным упорством.

— Симба? — тихо позвала Алёна.

Кот не обернулся.

Алёна сделала шаг к нему. Потом ещё один.

И тут Симба выгнул спину.

Резко, в одно мгновение — только что был обычный кот и вот уже совсем другое существо, выгнутое дугой, с поднятой дыбом шерстью на загривке, с хвостом, распушённым вдвое обычного. Он зашипел — и этот звук Алёна не могла ни с чем сравнить. Не злость. Не предупреждение. Что-то другое.

Так шипят, когда видят то, чего видеть не должны.

Когда видят то, чего нет.

Он вылетел из комнаты так стремительно что Алёна отпрянула. Затопотал по коридору — раз, другой, третий — потом затих.

С кухни донеслись голоса. Мамин — живой, тёплый, рассказывает что-то. Папин — низкий, спокойный, смеётся в ответ. Звук чайника. Звук чашек. Серёжин голос — что-то говорит, мама отвечает, все смеются.

Счастливая семья на кухне.

Никто не слышал.
Никто не заметил.

Тишина навалилась неожиданно громко.

Алёна стояла посреди своей новой замечательной комнаты. За окном смеялись дети во дворе. Солнце лежало золотым прямоугольником на голубых обоях рядом с нарисованным замком. На кровати сидели Тедди и зебра — плечом к плечу, смотрели в окно.

Всё было хорошо.

Только комод стоял у стены.

И стена за ним молчала.

Пока.

ГЛАВА 2. Симба

Симбу принесли в коробке.

Не в специальной переноске с решёткой и замком — в обычной картонной коробке из-под обуви, с дырками, проткнутыми шариковой ручкой. Папа держал коробку обеими руками и улыбался той улыбкой, которая бывает у людей, когда они точно знают, что сейчас произойдёт что-то хорошее.

Алёне было шесть лет.

— Там кто-то есть, — сказала она.

— Возможно, — сказал папа.

— Там живое.

— Очень может быть.

— Папа.

— Да?

— Там котёнок.

Папа засмеялся и поставил коробку на пол. Алёна опустилась рядом на колени. Коробка слегка шевелилась — изнутри, осторожно, как будто тот, кто внутри ещё не решил, как к этому всему относиться.

Папа открыл крышку.

Котёнок сидел в углу коробки и смотрел на Алёну.

Рыжий. Совсем маленький — помещался на двух ладонях. Огромные зелёные глаза на круглой голове. Белые лапки — все четыре, как будто перед выходом надел носочки. Белый

воротничок на шее — пушистый, аккуратный, как будто специально накрахмаленный. Остальное — рыжее, яркое, почти оранжевое.

Он смотрел на Алёну.

Алёна смотрела на него.

— Как его зовут? — спросила она шёпотом.

— Пока никак, — сказал папа. — Ты придумашь.

Котёнок открыл рот и сказал что-то. Тихое, вопросительное, совсем не страшное.

— Симба, — сказала Алёна немедленно.

— Почему Симба?

Алёна посмотрела на котёнка. Котёнок смотрел на неё. В его зелёных глазах было что-то такое — серьёзное и одновременно совершенно бесстрашное, как у того, кто знает, что всё будет хорошо, но молчит об этом из скромности.

— Потому что он король, — сказала Алёна. — Просто пока маленький.

Папа помолчал. Посмотрел на котёнка. Котёнок посмотрел на папу — с тем же невозмутимым достоинством.

— Пожалуй, — согласился папа.

Котёнок рос быстро.

Уже через полгода стало ясно что Симба будет большим. Очень большим. Ветеринар смотрел на него с нескрываемым уважением и говорил: «Какой экземпляр». Мама смотрела на растущие счета за корм и говорила другое — но тоже с уважением, просто другого рода.

К двум годам Симба стал огромным.

Не просто большим — огромным. Когда он растягивался на диване он занимал треть дивана. Когда он садился на подоконник он становился маленьким. Когда он проходил мимо ног он задевал их боком как маленький тёплый поезд.

Белые лапки остались. Белый воротничок остался. Зелёные глаза стали ещё больше — янтарными, глубокими, такими что иногда казалось будто они смотрят немного дальше, чем видно обычному взгляду.

Серёжа называл его Жирный.

Симба на это не реагировал — так же как не реагировал ни на какое другое слово кроме своего имени и слова «есть». На «Жирный» он просто смотрел на Серёжу долгим зелёным взглядом и отворачивался. С тем выражением, с которым взрослые люди реагируют на несмешные шутки.

— Он меня не любит, — однажды сказал Серёжа.

— Он тебя любит, — сказала Алёна.

— Он никогда не идёт ко мне.

— Он идёт, когда ты болеешь.

Серёжа подумал. Это было правдой. Когда Серёжа болел — а болел он громко, с температурой и капризами — Симба неизменно приходил и укладывался рядом. Не на ногах как у Алёны — рядом, вплотную, тёплым боком. И лежал столько сколько нужно.

— Это случайность, — сказал Серёжа.

Симба посмотрел на него. Зевнул. Ушёл.

— Не случайность, — сказала Алёна.

У Симбы были правила.

Не у семьи правила для Симбы — у Симбы правила для себя. Собственные, выработанные очевидно в результате долгих размышлений и не подлежащие обсуждению.

Первое правило: утро начинается с обхода.

Каждое утро, в одно и то же время — раньше будильника, раньше всех — Симба проходил по всей квартире. Методично, комната за комнатой. Заглядывал в углы, проверял подоконники, обнюхивал двери. Что именно он проверял — никто не знал. Но если обход не был завершён он не успокаивался.

Мама однажды закрыла кладовку на ключ и забыла.

Симба сидел перед кладовкой сорок минут и смотрел на дверь. Молча. Неподвижно. С таким выражением что мама в конце концов встала, нашла ключ и открыла.

Симба вошёл. Обнюхал всё. Вышел. Лёг спать.

— Что он там проверяет? — спросил Серёжа.

— Всё в порядке, — сказал папа. — Работает.

Второе правило: еда в одно и то же время.

Отступлений Симба не признавал. Если миска не появлялась в положенный час он садился рядом с миской и смотрел на ближайшего человека. Не мяукал — просто смотрел. Этого было достаточно. Под этим взглядом люди как-то сами собой обнаруживали что вспомнили про еду и немедленно идут её насыпать.

— Он гипнотизирует, — говорил Серёжа.

— Он просто смотрит, — говорила Алёна.

— Это и есть гипноз.

Третье правило: спать в своём домике.

Это было важно. Это было принципиально. Домик стоял в углу гостиной — мягкий, круглый, с бортиками, тёмно-серый в белый горошек. Мама купила его когда Симба был ещё котёнком и с тех пор меняла на больший размер дважды. Сейчас домик был такой что в него мог бы сесть Серёжа — если бы захотел, что, конечно, исключено.

Симба спал в домике каждую ночь.

Без исключений.

Можно было сколько угодно звать его на диван, на кресло, на кровать — он приходил, ложился, мурчал полчаса и уходил в домик. Там он сворачивался клубком, засовывал нос под хвост и спал до утра с таким видом будто это единственное правильное место в мире.

— Может ему там неудобно? — однажды спросила Алёна.

— Ему там очень удобно, — сказала мама. — Это его место. Он так решил.

Алёна смотрела на спящего Симбу. Симба спал с совершенно счастливым видом.

— Хорошо, когда есть своё место, — сказала Алёна.

Мама посмотрела на неё как-то особенно — тепло и немного удивлённо, как смотрят, когда ребёнок говорит что-то неожиданно точное.

— Да, — сказала мама. — Хорошо.

История с кладовкой случилась в марте.

Симбе было три года. Он находился в расцвете сил и любопытства — а любопытство у него было такое что мама однажды сказала: «Это не кот, это следователь». Он залезал везде. Под ванну. За холодильник. В шкаф если открывали больше чем на пять минут. В пакеты из магазина ещё до того, как их успевали разобрать.

В тот день мама открыла кладовку чтобы достать что-то с верхней полки. Потом её позвал папа. Потом позвонили в дверь. Потом ещё что-то случилось — как всегда случается что-то, когда совсем некстати.

Кладовку она закрыла.

Вместе с Симбой.

Обнаружили это через два часа. Сначала Алёна заметила, что кота нет — нигде, ни на одном из его обычных мест. Потом папа заметил странный звук из кладовки — не мяуканье, а что-то среднее между возмущением и философским смирением.

Папа открыл кладовку.

Симба вышел.

Он был перемазан с головы до хвоста.

Белые лапки — серые. Белый воротничок — с разводами. На боку — что-то коричневое похожее на засохшее варенье. На левом ухе — следы побелки. Хвост — отдельная история, которую лучше не рассказывать.

Он вышел, сел посреди коридора и посмотрел на папу.

Потом на маму.

Потом на Алёну.

Потом на Серёжу.

Это был взгляд человека, пережившего многое, который осмыслил произошедшее, что привело к определённым выводам о качестве организации домашнего хозяйства.

Серёжа захохотал первым. Потом Алёна. Потом папа — сначала пытался сдержаться, потом не смог. Мама смеялась и одновременно говорила «бедный, бедный» и уже тянулась за полотенцем.

Симба позволил себя помыть.

С достоинством. Не сопротивлялся — только смотрел на маму во время всей процедуры с таким выражением как будто снисходил. Как будто делал одолжение. Как будто говорил: ладно, так и быть, но имей в виду что я это запомню.

Потом вышел из ванной, отряхнулся, прошёл в гостиную и лёг в домик.

— Обиделся, — сказал Серёжа.

— Не обиделся, — сказала Алёна. — Устал.

Симба из домика покосился на них одним глазом. Закрыл.

— Точно обиделся, — сказал Серёжа.

Но вечером, когда мама сидела на диване с книгой, Симба вышел из домика, запрыгнул к ней на колени и громко замурчал. Долго. Минут двадцать.

— Простил, — сказала мама.

Расчёсывать Симбу начала Алёна.

Случайно — в том смысле что никто её не просил и специально она не планировала. Просто однажды увидела в магазине расчёску — специальную, для длинношёрстных кошек, с редкими металлическими зубьями и деревянной ручкой. Купила на карманные деньги. Принесла домой.

Симба сначала отнёсся к расчёске с подозрением.

Понюхал. Отошёл. Потом вернулся и понюхал ещё раз. Потом сел и стал ждать — с таким видом как будто понял для чего это и решил дать шанс.

Алёна начала осторожно — с холки, потом по спине, медленно, не торопясь. Симба не ушёл. Сидел. Потом чуть наклонил голову. Потом закрыл глаза.

И замурчал.

Не сразу — постепенно, как будто мурчание нарастало откуда-то изнутри, становясь всё громче и ровнее пока не превратилось в тот звук, который Алёна про себя называла «настоящим» — глубокий, вибрирующий, такой что его можно было не только слышать, но и чувствовать ладонью через расчёску.

С тех пор это стало ритуалом.

Каждый вечер — не обязательно долго, иногда десять минут, иногда полчаса. Алёна садилась на пол или на кровать, Симба устраивался рядом или перед ней, и начиналось расчёсывание. Медленное, без спешки.

Это было странно успокаивающим.

Не только для Симбы — для Алёны тоже. Когда что-то шло не так, когда был плохой день или тревожный вечер или просто накапливалось что-то неназванное — расчёсывание помогало. Мурчание Симбы было как якорь. Как что-то очень твёрдое и очень тёплое посреди всего остального.

Мама однажды заглянула в комнату и увидела их — Алёна на полу, Симба перед ней, глаза закрыты, мурчание слышно даже из коридора.

— Вы оба медитируете? — спросила мама.

— Мы расчёсываемся, — серьёзно ответила Алёна.

— Одно и то же, — сказала мама и улыбнулась.

В новой квартире вечером было тихо.

Коробки частично разобраны, частично стоят у стен — завтра, решила мама, всё завтра, сегодня просто жить. Папа нашёл в одной из коробок чайник и это было воспринято как победа. Серёжа обнаружил свою комнату и немедленно исчез в ней с видом человека, у которого есть планы.

Алёна сидела на полу своей новой комнаты.

Расчёска лежала рядом. Симба сидел перед ней — большой, рыжий, с белыми лапками аккуратно сложенными под грудью. Смотрел на неё.

— Ну что, — сказала Алёна, — нравится тебе здесь?

Симба моргнул медленно. Медленное моргание у котиков — это доверие. Это «я тебя вижу и мне хорошо». Алёна знала это давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.